

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 930.2

doi 10.17072/2219-3111-2018-4-5-14

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ? ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОСНОВНОЙ КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

М. М. Кром

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187 Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1
krom@eu.spb.ru

Прослеживается эволюция представлений о «факте» – одной из ключевых категорий исторического познания. Охарактеризована господствовавшая сто лет назад позитивистская концепция факта как «атома», или «кирпичика», исторической реальности, добываемого историком из «недр» источника. Анализируется последующая критика этой парадигмы представителями разных течений исторической мысли XX в. (немецкого историзма, американского «презентизма», французской школы «Анналов» и др.). В итоге долгая эволюция изучаемого понятия предстает как движение от наивного эмпиризма и реализма XIX в. к крайнему релятивизму и субъективизму конца XX в. Показаны также особенности трактовки категории «факт» в советской историографии, которая, находясь в рамках официальной марксистской методологии, не могла полностью избавиться от позитивистского наследия. Особое внимание уделено новой парадигме «исторического факта», контуры которой стали заметны на рубеже XX и XXI вв. Для этой парадигмы характерен акцент на коллективной природе научного знания: некое утверждение о прошлом признается истинным, т.е. фактом, в том случае, если по этому поводу существует консенсус среди ученых. В заключительной части статьи обсуждаются неочевидные следствия нового понимания категории «факт» для исторического познания в целом. В частности, одним из результатов этой «эпистемологической революции» может стать утрата «фактом» его центрального положения в системе исторического знания и выдвигание на первый план таких категорий, как «гипотеза», «проблема», «наблюдение».

Ключевые слова: исторический факт, позитивизм, объективность, релятивизм, историческое познание.

Вопрос, вынесенный в заголовок этой статьи, далеко не нов: почти полвека назад так назвал свой очерк, посвященный указанной проблеме, выдающийся отечественный медиевист А.Я. Гуревич [Гуревич, 1969]. А еще раньше, в декабре 1926 г., т.е. 90 лет назад, тот же вопрос прозвучал по-английски («What are Historical Facts?») в речи Карла Беккера на ежегодном собрании Американской исторической ассоциации (опубликована только в 1955 г. [Becker, 1955]). Несмотря на почтенную давность этого вопроса, ясного ответа на него нет и по сей день. В нашей стране большинство историков, похоже, даже не заметили кардинальных изменений в трактовке понятия «факт», произошедших в мировой науке в последние десятилетия, и предложили привычно использовать этот термин в его различных значениях: как синоним конкретного события, свидетельство источника или выражение исторической истины.

В предлагаемой статье я намерен кратко проследить эволюцию интересующего нас понятия на протяжении XX в., уделив особое внимание новому пониманию категории «исторический факт», которое формируется на наших глазах и неминуемо влечет за собой пересмотр представлений о задачах и возможностях исторической науки в целом.

На рубеже XIX и XX вв. историки, находившиеся под сильным влиянием позитивистской философии, понимали изучение прошлого по аналогии с исследованием в области естествознания, с тем только различием, что непосредственное наблюдение, недоступное историку, заменялось тщательным анализом документов, результатом которого являлось установление фактов [Ланглуа,

Сеньобос, 2004, с. 82–83]. В позитивистской историографии сложился своего рода культ фактов: «Первой и основной задачей историка, – писал в 1902 г. известный исследователь античности Эдуард Мейер, – является установление фактов, некогда имевших место. Если историк не выполняет этой задачи, если он недостаточно знаком с фактическим материалом, с отдельными, единичными фактами, то вся его работа является беспочвенной...» [Мейер, 2003, с. 180].

В приведенной цитате обращает на себя внимание акцент, который немецкий ученый делал именно на *единичных* фактах. В другом месте своего труда он подчеркивал, что «предметом истории всегда является исследование и изображение частных, единичных фактов – того, что всего удобнее обозначить термином “индивидуальное”» [Там же, с. 173].

Таким образом, «факт» понимался позитивистами как своего рода «атом», единичный и изолированный фрагмент исторического прошлого. Из таких «кирпичиков», добытых упорным трудом в архивных «карьерях», постепенно создавалось величественное здание Истории.

Позитивисты были уверены в объективности и надежности полученных данных: факты устанавливались раз и навсегда. Так возникла иллюзия, что когда-нибудь «вся» история – хотя бы в первом приближении – будет написана. Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, авторы получившего широкую известность учебника «Введение в изучение истории» (1898), выразили эту мысль с замечательной прямоотой: «Можно думать, – писали они, – что настанет день, когда благодаря организации труда все документы будут открыты, исправлены и приведены в порядок и все факты, следы которых не изгладились, установлены. С этого дня история будет составлена, но не будет окончательно установлена: она будет продолжать изменяться по мере того, как непосредственное изучение существующих обществ, ставши более научным, будет давать возможность лучше понимать общественные явления и их эволюцию...» [Ланглуа, Сеньобос, 2004, с. 279–280].

Критика этих позитивистских иллюзий не заставила себя долго ждать. Немецкий историзм в лице В. Дильтея, Г. Зиммеля, Г. Риккерта, Э. Трельча решительно выступил против отождествления методов истории и естествознания, проведя резкую грань между науками о природе (Naturwissenschaften), с одной стороны, и науками о духе (Geisteswissenschaften) или культуре (Kulturwissenschaften), к которым они относили и историю, – с другой. Итальянский философ Бенедетто Кроче критиковал позитивистскую историографию с неогегельянских, идеалистических позиций. Он, в частности, отверг деление фактов на «исторические» и «неисторические»: «Так как факт является историческим в той мере, в какой он осмыслен, – писал философ, – и так как ничто не существует вне мысли, вопрос, какие факты являются историческими, а какие нет, не имеет никакого смысла. Факт не исторический означает факт не осмысленный и, следовательно, не существующий, а несуществующие факты вряд ли кому-нибудь встречались» [Кроче, 1998, с. 66].

Но дальше всех в развенчании позитивистского культа фактов зашел американский историк Карл Беккер. В упомянутой речи перед членами Американской исторической ассоциации в 1926 г. он начал с того, что усомнился в простоте и незыблемости всем известных фактов. Так, тот факт, что Юлий Цезарь в 49 г. до н.э. пересек Рубикон, на самом деле скрывает в себе множество действий и слов людей, сопровождавших Цезаря, так что этот, простой, на первый взгляд, факт образован 1001 фактом меньшего масштаба. Более того, сам по себе переход маленькой речушки ничего не значит: историческое значение этому факту придает его связь с важнейшими событиями римской истории. Так что перед нами не что-то прочное с четкими контурами, напоминающее кирпич, а всего лишь символ, «обобщение тысячи и одного более простого факта», как заключил Беккер [Becker, 1955, p. 329].

Далее он переходит к своему основному тезису: историк не может напрямую иметь дело с интересующим его событием, ибо оно уже прошло; историк имеет дело с *утверждением о том*, что такое-то событие имело место. Следовательно, именно «утверждение о событии образует для нас исторический факт», который, стало быть, является не прошедшим событием, а «символом, позволяющим нам воссоздать его в своем воображении» [Там же, с. 330]. А на вопрос о том, где же находятся исторические факты, Беккер отвечает: не в прошлом, ибо оно безвозвратно прошло, и не в источниках, ибо они представляют собой лишь бумагу, покрытую какими-то знаками, а в сознании людей. Поэтому если минувшие события остаются в прошлом, то исторический факт «является частью настоящего» [Там же, с. 332].

Разумеется, отнюдь не все коллеги Беккера были согласны со столь радикальным выводом. В конце концов, презентизм, ярким представителем которого был Карл Беккер, не получил широкого

распространения за пределами США, да и в самой Америке его влияние пошло на спад начиная с середины XX в. Однако важно подчеркнуть, что те черты позитивистского представления о факте – его мнимую неделимость и простоту, объективность и независимость от сознания историка – которые Беккер избрал мишенью для своей критики, оспаривались и другими учеными.

Так, британский историк и философ Робин Дж. Коллингвуд в своем посмертно опубликованном трактате «Идея истории» (1946) отмечал, что позитивистские представления об изолированном, атомарном факте привели к бесконечному дроблению исследовательского поля, и «наследство позитивизма в современной историографии, если брать фактографическую сторону, состоит поэтому в комбинации беспрецедентного мастерства в решении мелкомасштабных проблем с беспрецедентной беспомощностью в решении проблем крупномасштабных» [Коллингвуд, 1980, с. 127]. Он также критиковал позитивистскую историографию за отказ от оценки фактов, что привело к господству событийной, политической истории и игнорированию истории искусства, религии, науки, философии и т.д. Но главная теоретическая ошибка позитивистов, по мнению Коллингвуда, заключалась в проведении ложной аналогии между естественнонаучным (непосредственно наблюдаемым) фактом и фактом историческим, который устанавливается «с помощью логического вывода в ходе интерпретации данных в соответствии со сложной системой правил и постулатов» [Там же, с. 128].

Свои претензии к позитивистскому способу историописания были и у основателей французской школы «Анналов». В статьях 1930-х – 1940-х гг. Люсьен Февр высмеивал «ребяческое и благоговейное отношение к “фактам”», свойственное прежнему поколению историков. Ученый подчеркивал, что историк не находит факты в готовом виде: он их воссоздает «при помощи гипотез и предположений, посредством кропотливой и увлекательной работы» [Февр, 1991, с. 14]. «Установить факт – значит выработать его. – утверждал Февр. – Иными словами – отыскать определенный ответ на определенный вопрос. А там, где нет вопросов, нет вообще ничего» [Там же, с. 15].

Таким образом, в понимании «факта» Февр решительно разошелся с позитивистами. Во-первых, он подчеркнул активность исследователя, который не созерцает уже существующие факты, а конструирует их. В этом смысле нужно понимать суждение ученого: «Исторические факты, пусть даже самые незначительные, зависят от историка, вызывающего их к бытию. Мы знаем, что факты, те самые факты, перед которыми нас то и дело призывают преклоняться, являются сами по себе чистыми абстракциями: для их определения приходится прибегать ко всякого рода побочным свидетельствам, подчас самым противоречивым, среди которых мы по необходимости вынуждены производить отбор» [Там же, с. 28]. Во-вторых, Февр отвел фактам подчиненную роль в работе историка, поставив во главе угла проблему: «Постановка проблемы – это и есть начало и конец всякого исторического исследования» [Там же].

Как видим, к середине XX в. историки самых разных направлений пришли к выводу о том, что «факт» – это вовсе не «атом истории», не фрагмент исторической реальности, а продукт мысли историка, «чистая абстракция», по выражению Февра. Но тогда неизбежно возникает вопрос: каковы же критерии истины исторического труда? Можно ли доверять историку, если он сам создает свои факты? Этот вопрос приобрел особую остроту во второй половине XX столетия.

«Историк и его факты» – так называется первая глава получившей широкую известность книги британского историка Эдварда Карра «Что такое история?» (1961). С первых страниц Карр озадачивает читателя заявлением о том, что «не все факты прошлого являются историческими фактами или считаются таковыми историком» [Carr, 1961, р. 7]. В одной из последующих глав он разъясняет, что «различие между историческими и неисторическими фактами не является жестким или постоянным» и что «любой факт может быть, так сказать, поднят до статуса исторического факта», как только его значение будет выяснено [Там же, с. 135]. Однако, несмотря на это пояснение, недоумение остается: можно подумать, что «факты прошлого», по Карру, существуют сами по себе, а «историческими» они становятся в тот момент, когда историк их «открывает», т.е. придает им значение. Если это так, то надо признать, что британский историк испытал несомненное влияние позитивизма.

Вместе с тем в книге Карра можно найти утверждения, которые стали уже привычными в устах критиков позитивизма, например: «Принято утверждать, что факты говорят сами за себя. Это, конечно, неверно. Факты говорят лишь тогда, когда историк призывает их: это он решает, каким

фактам дать слово и в каком порядке или контексте» [Там же, с. 9]. И далее: «Историк по необходимости избирателен. Вера в твердое ядро исторических фактов, существующих объективно и независимо от интерпретации историка, является нелепым заблуждением...» [Там же, с. 10].

В целом же изучение вопроса об отношении историка к фактам позволяет обнаружить, по словам самого Карра, весьма ненадежную ситуацию, вроде осторожного лавирования «между Сциллой неприемлемой теории истории как объективного составления фактов, безоговорочного превосходства факта над интерпретацией, и Харибдой столь же неприемлемой теории истории как субъективного продукта разума историка...» [Там же, с. 34].

Та же двойственность и неопределенность в понимании природы исторического факта отмечается и в другом знаменитом методологическом манифесте – книге Поля Вена «Как пишут историю» (1971). Вен начинает с интригующего отрицания различия между фактами природы и истории: «Подлинное различие, – утверждает он, – существует не между историческими и физическими фактами, а между историографией и физикой. Физика является собранием законов, а история – собранием фактов» [Вен, 2003, с. 16]. Но какова природа исторических фактов? На этот вопрос книга не дает прямого ответа. Вен полагал, что «"факты" не существуют в изолированном виде: историк находит их в форме четких совокупностей, где они играют роль причин, целей, обстоятельств, случаев, предлогов и т.д.» [Там же, с. 41]. И далее: «...Для фактов характерна естественная и неизменная структура, которую историк находит уже в готовом виде, как только он выбирает сюжет...» [Там же].

На первый взгляд, этот образ историка, который находит совокупности фактов уже в готовом виде, напоминает о кредо позитивистов, но с некоторыми существенными отличиями. Во-первых, Вен не признает атомарных, изолированных фактов: «...Элементарного исторического факта, событийной частицы не существует», – утверждает он [Там же, с. 43–44]. Во-вторых, «факты», в понимании Вена, объединены сюжетом: он постоянно напоминает читателю о том, что история пишется, и сближает ее с литературой, что подчеркивается терминами «сюжет», «интрига» и др.

Отмеченная особенность эпистемологии Вена, испытавшего сильное влияние философии М. Фуко, напоминает нам о том, что 60-е и 70-е гг. XX в. стали временем так называемого «лингвистического поворота». Один из активных участников этого «поворота», американский историк Хейден Уайт, объяснил историкам, что они, оказывается, пишут по канонам литературных жанров. В одном из очерков 1970-х гг. Уайт показал, что великая «литература факта» XIX в., в том числе знаменитый труд Ч. Дарвина «Происхождение видов», включала в себя изрядную долю вымысла, если иметь в виду литературную форму изложения. Историки, по словам Уайта, находились под влиянием той же иллюзии, которая в свое время возникла у Дарвина, – «иллюзии, будто возможно ценностно-нейтральное описание фактов, предшествующее их интерпретации или анализу» [White, 1978, p. 134]. Между тем, когда историки пытаются «объяснить» «факты» (оба слова Уайт берет в кавычки. – М.К.) Французской революции, закат и падение Римской империи, последствия рабства для американского общества или значение Российской революции, вопрос состоит не в том, каковы факты, а в том, как эти факты следует описать, чтобы отдать предпочтение одному способу объяснения перед другим [Там же].

Свое отношение к историческим фактам Хейден Уайт четко изложил в предисловии к русскому изданию его книги «Метаистория». По словам ученого, историк заинтересован в конструировании точного описания изучаемого им объекта и его изменений во времени. «Это описание, – продолжает Уайт, – основано на документальных источниках, из содержания которых историк и создает совокупность фактов. Я говорю "создает" совокупность фактов, потому что я отличаю событие (происшествие, случившееся во времени и пространстве) от факта (высказывания о событии в форме утверждения). События происходят и – более или менее адекватно – отражаются в документальных источниках и памятниках; факты концептуально конструируются в мысли и/или фигуративно в воображении и существуют только в мысли, языке или дискурсе» [Uyit, 2002, с. 11].

«Бессмысленно говорить об "открытии" фактов, – утверждает Уайт, – поскольку таким образом мы отсылаем к суждениям, найденным в документальных источниках, свидетельствующих о том, что особый тип события произошел в конкретное время и конкретном месте. В этом случае мы также говорим о лингвистическом событии, например, о суждении, что событие типа 2 произошло во время А и в пространстве III. <...>Я не считаю, что "события" имеют

только лингвистическое существование. Я хочу подчеркнуть, что, хотя, с моей точки зрения, исторические факты созданы, безусловно, на основе изучения документов и других памятников прошлого, но, тем не менее, созданы...» [Там же, с. 11–12].

О том, что факты существуют только в сознании людей, говорил, как мы помним, еще Карл Беккер в 1926 г., а Хейден Уайт полвека спустя обнаружил еще одну «среду обитания» факта – язык или дискурс. В такой постмодернистской интерпретации факт, похоже, потерял последние остатки былой «объективности». И вся эволюция этого понятия за сто лет предстает как движение от наивного эмпиризма и реализма XIX в. к изощренному релятивизму и субъективизму нашего времени.

На фоне этой эволюции западной исторической мысли советская историография долгое время казалась «заповедником» позитивизма. Для понимания этого феномена нужно учесть, что марксизм, официально считавшийся единственно верным учением в СССР, имел с позитивизмом немало общего, включая веру в существование законов развития общества, объективный характер научного знания и культ фактов.

Вот типичный пример: в декабре 1920 г. В. И. Ленин в письме М. Н. Покровскому, с похвалой отозвавшись о его книге «Русская история в самом сжатом очерке», предложил дополнить ее хронологическим указателем, чтобы она могла служить учебником. Ленин писал, что учащиеся должны знать и книгу, и указатель, «чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты...» (цит. по [Покровский, 1967, кн. 3, вклейка перед с. 5]).

Требование «знать факты» вполне соответствовало позитивистской парадигме, господствовавшей на рубеже XIX и XX вв. Но в дальнейшем цитаты классиков марксизма-ленинизма, подобные приведенной, способствовали консервации позитивистской концепции факта, уже к середине XX в. сильно дискредитированной в исторической мысли Европы и США.

О фоновом уровне представлений о фактах в советской историографии середины 60-х гг. можно судить по статье «Источниковедение» в Советской исторической энциклопедии (специальной статьи о факте в этой энциклопедии не было), в которой говорится о том, что «извлечение из источников исторических фактов составляет основную задачу источниковедения» [Булыгин, Пушкирев, 1965, стб. 592].

Несмотря на подобные, вполне позитивистские по духу, утверждения, в советской историографии были и попытки серьезно разобраться в проблеме исторического факта. К ним, в частности, относится упомянутая статья А.Я. Гуревича «Что такое исторический факт?»

Эта статья может служить примером того лавирования между Сциллой наивного реализма (в духе представлений о фактах как «атомах», или «кирпичиках», истории) и Харибдой крайнего субъективизма (когда каждый историк оказывается творцом «своих» фактов), о котором писал в свое время Э. Карр. С одной стороны, будущий классик отечественной медиевистики подверг критике наивную веру позитивистов в реальность и вещественность факта, в его атомарную простоту и возможность его однозначной интерпретации, а с другой – решительно отверг релятивизм американских историков-«презентистов» (К. Беккера, Ч. Бирда и др.) [Гуревич, 1969, с. 61–77]. Вместе с тем из текста статьи видно, что работы «презентистов» произвели на А.Я. Гуревича гораздо более сильное впечатление, чем советский историк мог тогда признать. Отмечая двойственность и даже двусмысленность понятия «исторический факт», ученый сделал несколько попыток дать ему определение, в котором учитывались бы разные аспекты указанной методологической проблемы. По словам Гуревича, исторический факт – «это абстракция... в которой не утрачено, однако, конкретное содержание события, отраженного этим историческим фактом» [Там же, с. 82]. Поэтому, уточняет он, правильнее говорить о факте не как об абстракции, а скорее как о «научно-познавательном образе, единстве абстракции и представления о конкретном чувственном объекте» [Там же]. Однако и это определение не вполне удовлетворило Гуревича, и он предложил еще одно, охарактеризованное им, впрочем, как «приблизительное»: «исторический факт – это то событие или явление прошлого, сведения о котором (т.е. отражение в источниках, всегда в той или иной мере неадекватное и неполное) сохранились, получают оценку историков как имеющие отношение к изучаемой ими проблеме, интерпретируются ими в свете этой проблематики, включаются в систему закономерных связей» [Там же, с. 84].

Как и следовало ожидать, попытки примирить в одном определении объективистскую и субъективистскую трактовки понятия «факт» не увенчались успехом. Коллеги не поддержали

А.Я. Гуревича. Философ В. С. Библер поместил в том же сборнике полемическую заметку с характерным названием «Исторический факт как фрагмент действительности» [Библер, 1969].

Поскольку любые методологические новации в СССР не должны были выходить за рамки официальной марксистской доктрины, советские ученые предпочли более безопасный путь – уточнение терминологии. Именно таким путем пошел философ А. И. Ракитов. В своей книге «Историческое познание» (1982) он выделил три наиболее употребительных значения понятия «факт»: 1) факт как некий фрагмент действительности, событие, ситуация или процесс; 2) факт как особое знание о соответствующем событии, ситуации или процессе; 3) факт как синоним истины [Ракитов, 1982, с. 186]. Затем он последовательно отклонил первое и третье значения как дублирующие уже существующие термины. Так, по поводу третьего значения философ замечает, что «такое применение понятия “факт” вряд ли целесообразно», поскольку термин «истина», прочно вошедший в научную и философскую литературу, полностью передает этот смысл. А если «факт» понимается в первом из указанных значений, т.е. как синоним события, фрагмент исторической действительности, то «зачем вообще нужно удвоение терминологии?» – задает Ракитов риторический вопрос [Там же, с.187].

Избавившись с помощью такой изящной логической операции от двух «лишних» значений термина, Ракитов констатирует: «Таким образом, в нашем распоряжении остается второй из трех выявленных смыслов понятия “факт”» (т.е. факт как знание о событии и т.д. – М.К.) – и подкрепляет свой вывод ссылкой на «естествоиспытателей и философов», среди которых, по его словам, «такая интерпретация факта в настоящее время широко распространена» [Там же, с. 191, прим. 2].

Но путь формально-логической редукции понятий был неприемлем для советских историков, которые, оставаясь верны историческому материализму, не могли «отрывать» факты от объективной реальности. Начавшаяся в 60-е гг. дискуссия об историческом факте, самым ярким моментом которой стала статья А. Я. Гуревича, к середине 80-х гг. выродилась в бесплодную схоластику. М.А. Барг, посвятив целую главу своей книги «Категории и методы исторической науки» (1984) интересующему меня понятию, не придумал ничего лучше, чем разделить категорию «факт» на три: «факт истории» он предложил именовать «историческим фактом», «факт, фиксированный в историческом первоисточнике», – «сообщением источника» и, наконец, «сообщение источника», «научно верифицированное, осмысленное историком и тем самым ставшее фактом науки», – «научно-историческим фактом» [Барг, 1984, с. 152]. «...Признание исторического факта объективной реальностью, не зависимой от познающего его субъекта, т.е. первичным, и научно-исторического факта – вторичным, его отражением, результатом процесса познания, – напомнил Барг своим коллегам, – есть нечто иное, как материалистическое решение основного вопроса философии в области историзма» [Там же].

В 1989 г., за два года до распада СССР, Б. Г. Могильницкий одобрительно отозвался о предпринятой М. А. Баргом попытке дифференциации понятия «факт» и проведенном им различии между «историческим фактом» и «научно-историческим фактом» [Могильницкий, 1989, с. 102]. Так позитивистская трактовка «факта», став частью неприкасаемой марксистской доктрины, благополучно дожила до конца советской эпохи.

Между тем в самом конце XX в. в европейской и американской историографии появились признаки нового понимания исторического факта. В книге Антуана Про «Двенадцать уроков по истории» (1996) этому понятию дается следующее определение: «Факт есть не что иное, как результат умозаключения, основывающегося на следах, оставленных прошлым, и подчиняющегося правилам критики» [Про, 2000, с. 73]. Далее французский ученый справедливо отмечает разнообразие того, что историки называют «историческими фактами»: даты известных событий, численность населения, продолжительность рабочего дня, даже цвет свадебного платья в определенную эпоху и т.д. Все эти разнородные «факты», считает Про, объединяет только одно: «всё это – истинные утверждения, потому что они являются результатом методичной реконструкции на основе следов, оставленных прошлым» [Там же].

На первый взгляд, в приведенном определении исторического факта нет ничего нового: в конце концов, логики и философы науки давно исходили из того, что факт – это не элемент объективного мира, а наше знание о нем (ср. рассуждение философа А. И. Ракитова об историческом факте). Изредка подобные утверждения встречались и в работах историков. Так, на

первых страницах книги Дэвида Х. Фишера «Заблуждения историка» (1970) среди прочих базовых определений фигурировала и следующая дефиниция интересующего нас понятия: «Факт – это истинное описательное утверждение относительно событий прошлого» [Fischer, 1970, p.XV, note 1].

Однако заслуга А. Про состоит в том, что он не только ясно определил логическую природу факта («истинное суждение о чем-то»), но и сумел избежать двусмысленности, которая часто была присуща высказываниям историков о «фактах» (вспомним, например, процитированное утверждение Поля Вена о «совокупностях фактов», которые историк якобы находит «уже в готовом виде» вместе со своим сюжетом). Кроме того, Про указал на исследовательскую процедуру, соблюдение правил которой, по-видимому, и придает суждениям о прошлом статус фактов, т.е. истинных утверждений.

К началу XXI в. определения исторического факта, подобные тому, которое дал А. Про, приобретают нормативное значение, проникают в профильные словари и энциклопедии. Так, в немецком словаре «Историческая наука: сто основных понятий» (2002) статья «Факт» (Tatsache), написанная А. Брендеке, открывается следующим определением: «Фактом называется постулат принимаемого за истину высказывания о прошлом» [Brendecke, 2002, S. 282].

Более подробную характеристику категории «факт» в ее современной трактовке предложил британский историк Алан Манслоу. В изданном им в 2000 г. «Справочнике по историческим исследованиям» он начал статью «Факты» с констатации сложности и спорности этого понятия, которое к тому же меняется от одного поколения историков к другому. Далее он пишет: «Самым основным условием существования факта или фактов должен быть консенсус историков в том, что конкретное заявление по поводу исторического события является истинным. Факты считаются истинными утверждениями о прошлом. Как же можно достичь этого консенсуса по поводу того, что является истинным в том, что мы говорим о прошлом? К сожалению, если возможен консенсус по поводу единичного события, которое [действительно] произошло, то относительно его возможного значения консенсуса часто нет» [Munslow, 2000, p. 97].

Несмотря на пессимистический тон этих слов и сомнения Манслоу в отношении возможности консенсуса историков по поводу смысла и значения минувших событий, данное им определение понятия «факт» внушает надежду на то, что, по крайней мере, в понимании самой этой категории, более ста лет служившей предметом споров, в настоящий момент мы близки к консенсусу.

Важнейший элемент, который добавляет Манслоу к определению факта как истинного суждения о прошлом, – это указание на консенсус историков, который и является в конечном счете критерием истины.

Как было показано ранее, критики позитивизма в лице Л. Февра, Р. Коллингвуда и других выдающихся ученых неизменно подчеркивали активную роль историка-исследователя, который не находит «готовые» факты в сохранившемся источнике, а конструирует их на основе имеющихся данных. Однако такая позиция нередко вызывала опасения, что факты, являющиеся продуктом такой реконструкции, будут неизбежно носить субъективный характер, отражая вкусы, заблуждения, предпочтения создавшего их ученого. Если же властью присваивать статус фактов каким-то утверждениям о прошлом обладает не один ученый, а научное сообщество в целом, то это кардинально меняет дело.

Пока рано говорить о том, что такое понимание факта стало общепринятым в нашей профессии, но предпосылки этого налицо. Характерно, что, когда в современной научной литературе речь заходит об исторических фактах, разные авторы вкладывают в это понятие примерно тот же смысл, что и Манслоу в приведенной цитате. Так, литовский исторический социолог Зенонас Норкус в своей новой книге о Великом княжестве Литовском как империи (2018) называет историческими фактами отдельные утверждения, относящиеся к истории Литвы, которые приняты в соответствующей историографической традиции «и поэтому имеют статус “исторических фактов”» [Norkus, 2018, p. 6]. Далее Норкус поясняет, что под «фактами» он понимает «утверждения, по поводу точности которых существует общее согласие историков» [Там же].

В современной отечественной научной и учебной литературе пока не предложено новой целостной концепции «исторического факта», но, судя по отдельным высказываниям ученых,

пересмотр традиционных представлений об этом понятии происходит и в нашей стране. Так, в книге И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «Знание о прошлом: теория и история» (2003) говорится о том, что «...в строгом определении к “фактам” относят *высказывания о существовании* каких-либо элементов реальности», причем «фактом» как элементом знания подобное высказывание становится «только в случае его социального признания в качестве “истины”. Тем самым содержание данного высказывания превращается в элемент реальности для соответствующей социальной группы» [Савельева, Полетаев, 2003, с. 388].

Если под «реальностью» понимать историческое событие, а под «социальной группой» – сообщество историков, то получится определение «исторических фактов», данное Аланом Манслоу: по сути, оно является частным случаем определения «научный факт», средложенного Савельевой и Полетаевым.

Таким образом, на наших глазах в историческую науку приходит новое понимание «исторического факта». Старая позитивистская идея факта как «атома истории», фрагмента реальности, похоже, отброшена окончательно. Между тем новая парадигма только складывается.

И в заключение хотелось бы сказать несколько слов о тех последствиях, которые будет иметь для исторического познания пересмотр его ключевой категории. Прежде всего, если фактом теперь считается такое утверждение о прошлом, по поводу которого в среде ученых существует устойчивый консенсус, то, очевидно, речь может идти о таких бесспорных истинах, как место и дата известных событий, демографические показатели: смертность, рождаемость, численность населения (применительно к тем эпохам, когда уже велся статистический учет), персональный состав правительств и т.д. Но всё это – справочная информация, она необходима, но не она составляет «нерв» исследования. Таким «нервом» служит проблема, дискуссионный вопрос, но они, по определению, фактами не являются.

Следовательно, если основная задача историка состоит в осмыслении опыта прошлого, а не в накоплении справочной информации, то «фактам» суждено занять более скромное место в структуре исторического знания, уступив первенство гипотезам, проблемам, наблюдениям...

Очевидно также, что преодоление «культы фактов» потребует пересмотра приоритетов исторического образования в школах и вузах, но этот вопрос выходит далеко за рамки моей небольшой статьи.

Библиографический список

- Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 342 с.
- Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки)// Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 89–101.
- Булыгин И. А., Пушкарев Л. Н. Источниковедение // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. Индра – Каракас. М.: Сов. энциклопедия, 1965. Стб. 592–601.
- Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / пер. с фр. Л. А. Торчинского. М.: Науч. мир, 2003. 394 с.
- Гуревич А.Я. Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 59–88.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. и коммент. Ю. А. Асеева; отв. ред. И.С. Кон, М. А. Киссель. М.: Наука, 1980. 486 с.
- Кроче Б. Теория и история историографии / пер. с ит. А. М. Заславской. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.
- Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. 2-е изд. / пер. с фр. А. Серебряковой. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 305 с.
- Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования // Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2003. С. 142–200.
- Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
- Покровский М. Н. Избранные произведения в 4 кн. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Мысль, 1967. 671 с.
- Про А. Двенадцать уроков по истории / пер. с фр. Ю. В. Ткаченко. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. 336 с.

- Ракитов А. И.* Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 303 с.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.
- Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
- Февр Л.* Бои за историю / пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича и Ю. Н. Стефанова; отв. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1991. 630 с.
- Becker C.* What are Historical Facts? // *The Western Political Quarterly*. Vol. 8, No. 3 (September 1955). P. 327–340.
- Brendecke A.* Tatsache // *Lexikon Geschichtswissenschaft: hundert Grundbegriffe* / Hrsg. S. Jordan. Stuttgart: Reklam, 2002. S. 282–285.
- Carr E. H.* What is History? New York: Vintage Books, 1961. 209 p.
- Fischer D. H.* Historian's Fallacies. Toward a Logic of Historical Thought. New York: Harper Perennial, 1970. 338 p.
- Munslow A.* The Routledge Companion to Historical Studies. London; New York: Routledge, 2000. 271 p.
- Norkus Z.* An Unproclaimed Empire: The Grand Duchy of Lithuania: From the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Empires / transl. from Lithuanian by A. Strunga. London; New York: Routledge, 2018. 414 p.
- White H.* Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1978. 287 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 21.10.2018

WHAT IS A HISTORICAL FACT? THE EVOLUTION OF PERCEPTION OF A BASIC CATEGORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

M. M. Krom

European University at St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6/1, 191187, St. Petersburg, Russia
krom@eu.spb.ru

The article traces the evolution of historians' perception of "fact", one of the key categories of historical knowledge, during the last one hundred years. It starts with an exposition of the positivistic paradigm of fact as an "atom" or a "brick" of history derived once and forever from historical sources. Prevailing in the late 19th and early 20th century, that view was severely criticized then by various opponents ranging from German historicists to American "presentists" and the French "Annales" School. Then, the author turns to the Soviet historiography and its discourse about "facts", which, due to the limitations of the official Marxist methodology, could not fully free itself from the positivistic legacy. The article ends with clarifying the contours of a new concept of "historical fact" that has been formed at the turn of the 20th and 21st centuries. This concept stresses the collective nature of scholarship: "facts" are now perceived as statements about past events that the majority of historians hold to be true. In the concluding remarks, some implications of the new concept of "fact" for the further progress of historical knowledge are discussed. In particular, as a result of such "epistemological" revolution, "facts" may concede their priority to other categories of historical research, including "hypothesis", "problem", and "observation".

Key words: historical fact, positivism, objectivity, relativism, historical knowledge.

References

- Barg, M. A. (1984), *Kategorii i metody istoricheskoy nauki* [The Categories and Methods of Historical Scholarship], Nauka, Moscow, Russia, 342 p.
- Becker, C. (1955), "What are Historical Facts?", *The Western Political Quarterly*, vol. 8, no. 3, pp. 327-340.
- Bibler, V. S. (1969), "A Historical Fact as a Fragment of Reality. (Logical Notes)", in *Istochnikovedenie. Teoreticheskie i metodicheskie problemy* [Source Criticism. Theoretical and Methodological Issues], Nauka, Moscow, Russia, pp. 89-101.
- Brendecke, A. (2002), "Tatsache", in: *Lexikon Geschichtswissenschaft: hundert Grundbegriffe*, hrsg. Stefan Jordan, Reklam, Stuttgart, Deutschland, s. 282-285.

- Bulygin, I. A. & L. N. Pushkarev (1965), "Source Criticism", in *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [The Soviet Historical Encyclopedia], vol. 6., Izd. Sovetskaya Entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 592-601.
- Karr, E. H. (1961), *What is History?*, Vintage Books, New York, USA, column 592–601.
- Kollingvud, R.G. (1980), *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of history. An Autobiography], Nauka, Moscow, Russia, 486 p.
- Kroche, B. (1998), *Teoriya i istoriya istoriografii* [A theory and history of historiography], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, 192 p.
- Fevr, L. (1991), *Boi za istoriyu* [Struggle for history], Nauka, Moscow, Russia, 630 p.
- Fischer, D.H. (1970), *Historian's Fallacies. Toward a Logic of Historical Thought*, Harper Perennial, New York, USA, 338 p.
- Gurevich, A.Ya. (1969), "What is a historical fact?", in *Istochnikovedenie. Teoreticheskie i metodicheskie problemy* [Source criticism. Theoretical and methodological issues], Nauka, Moscow, Russia, pp. 59-88.
- Langlua, Ch.-V. & Ch. Seynobos (2004), *Vvedenie v izuchenie istorii* [An Introduction to the study of history], Gos. publ. ist. biblioteka, Moscow, Russia, 305 p.
- Meyer, E. (2003), "Theoretical and methodological issues of history", in Meyer, *Trudy po teorii i metodologii istoricheskoi nauki* [Works on theory and methodology of history], Gos. publ. ist. biblioteka, Moscow, Russia, pp. 142-200.
- Mogil'nitskiy, B. G. (1989), *Vvedenie v metodologiyu istorii* [Introduction to the methodology of history], Vysshaya shkola, Moscow, Russia, 175 p.
- Munslow, A. (2000), *The Routledge Companion to Historical Studies*, Routledge, London and New York, UK-USA, 271 p.
- Norkus, Z. (2018), *An Unproclaimed Empire: The Grand Duchy of Lithuania: From the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Empires*, transl. from Lithuanian by A. Strunga,
- Pokrovskiy, M. N. (1967), *Izbrannye sochineniya* [Selected works], vol. 3, Mysl', Moscow, Russia, 671 p.
- Prost, A. (2000), *Dvenadtsat' urokov po istorii* [Twelve lessons in history], RGGU, Moscow, Russia, 336 p.
- Rakitov, A. I. (1982), *Istoricheskoe poznanie. Sistemno-gnoseologicheskiy podl'hod* [Historical knowledge. A Systemic and epistemological approach], Politizdat, Moscow, Russia, 303 p.
- Savelyeva, I.M. & A.V. Poletaev (2003), *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya* [Knowledge about the past: theory and history], Nauka, St. Petersburg, Russia, 632 p.
- Veyn, P. (2003), *Kak pishut istoriyu* [How history is written], Nauchnyy mir, Moscow, Russia, 394 p.
- White, H. (1978), *Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London, USA-UK, 287 p.
- Uayt, H. (2002), *Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope 19 veka* [Metahistory. The historical imagination in nineteenth-century Europe], Izd. Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, Russia, P. 327–340.